

К апофеозу государственности

(О НОВОМ ГОСУДАРСТВЕ)

Современное буржуазно-демократ. государство возникло и развилось в порядке отрицания старых феодально-монархич. форм государственности. И как это обычно бывает, отрицание исторических преходящих форм привело к отрицанию и самого непреходящего содержания ими временно представляемого. Так и получилось то, еще до недавнего времени господствовавшее принципиальное умаление смысла и значения начала государственности, которое явилось одним из источников современной анархии и индивидуалистической атомизации народов. На очереди стоит задача реабилитации государственности, осознания его высшего назначения и смысла. Но далеко не одно это.

Прежде всего надо отметить ту гигантскую роль, роль в значительной мере панацеи, которая выпадет на долю государства в устроении и творческой стабилизации новой России. В век, когда так ослабли все внутренние и бытовые организующие нормы, должен быть осуществлен эквивалент общественно-государственной организации. Перефразируя известную мысль, скажем: пусть государство не может мир спасти, но оно может не дать ему погибнуть. И прежде чем мир будет возрожден в формах новой культуры и общности, человечество должно ухватиться за якорь государственности. Это в исключительной мере верно в отношении России. Здесь, где спали все обычные организующие жизненные формы, где безграничные жизненные стихии вышли из всех берегов, вместе с падением большевиков развяжется такой хаос, который возможно будет организовать лишь мощью небывалых размеров государства. И до тех пор, пока органически установится и стабилизируется жизнь, в России все придется огосударствлять. Только так возможно будет с одной стороны организовать развязавшийся хаос жизни, вышедшей из всех обычных форм существования, а с другой — совершенно исключительное явление: разрешить трагическую проблему небывалой, особенно интеллигентской безработицы, которая явится результатом большевистского режима. Или этим огромным общественно — и государственно — активным массам, вызванным на поверхность жизни революцией, будет найдено производительное государственно-общ. применение, или они станут силами

анархии, войны всех против всех. Это обстоятельство не последнюю роль сыграло и в гигантском госуд.-общ. предприятии пятилетки и коллективизации.

Вообще, Россию возможно возродить лишь положительно, т.е. создавая новую Россию, ибо камня на камне не осталось от того, что именовалось прежней Россией. И в этом созидании центральную роль может и должно взять на себя мощное всеохватывающее государство, как организованная национальная воля народа, как инициатор, как предприниматель, как аккумулятор творческих народных сил.

Но уже из этого вытекает, что, говоря о всеобъемлющем огосударствлении жизни, мы имеем в виду не эту столь поспешно теперь всеми в эмиграции принимаемую т. н. «сильную власть» — плод убогой, полицейски упрощенной мысли, сводящей в частности, и всю историческую революционную катастрофу к тому, что «не был арестован Ленин». Не в том дело, чтоб все пресекать, за все арестовывать, «держать и не пущать», — от этого как раз и погиб старый строй, а в том, чтоб вести, всюду являть инициативу, давать творческий исход всякой энергии, указывать цель, звать к ней. Государство — не **охранитель** и консерватор, как в старых полицейских государствах, не **регулятор**, как в современных буржуазно-демократических, государство — национальный вождь, высший субъект исторического делания. Государство — **Демидург**. Противопоставляя этим старым формам государственности новое государство, можно бы было его квалифицировать, как **Конструктивное Государство**. Равновесие в государственной жизни вообще достигается лишь в творческом движении — тем более в нашу столь динамическую, революционную эпоху.

Как в восточных аграрно-крестьянских странах вообще (Китай, Индия), в России еще долго будет играть решающую руководящую роль ее интеллигенция. Выражением этого, в частности, и должно явиться мощное инициативное, по нашей терминологии, Конструктивное Государство, как осуществление творчески-организованной воли народа. Но, само собой разумеется, новая интеллигенция будущей России, чтоб быть на уровне этого своего значения, должна освободиться от прежней интернационалист. беспочвенности и пр. недостатков старой интеллигенции и стать подлинно национальной, народной, способной и достойной вести и представлять свой народ. В русском слове «народ» совпадают понятия народа, как «нации» и народа, как «трудящихся масс». Вот в этом двойном смысле новая интеллигенция и должна быть подлинно **народнической**.

Но помимо этой специальной миссии государства в России, в переживаемый ею величайший и ответственный момент ее истории, начало государственности, как таковое, имеет свою особую самодовлеющую метафизику.

В отношении к государственности сказывается степень причаст-

ности данного народа к духу Истории. Сказать не государственный народ почти тоже, что сказать не исторический народ. Государство — воплощение Целого, Общего и потому отношение к нему является не подчинением, а служением. Только в государстве, в обществе, в целом личность достигает своего высшего утверждения и расцвета. Вне такого единства с целым чел. масса — лишь ничтожная человеческая пыль, жалкая обывательская скотинка. Этот нравственный и бытийственный факт свидетельствуется уже тем, что все высшие религии и морали учили служению Общему, Целому, выражением которого является также государство. Лишь в наше упадочное время могут вырастать те «учения», которые под видом «абсолютной ценности» личности, что несомненно, благословляют жизнь, где каждый прежде всего охраняет свою шкуру. Вот эта то сомнительная «личность», а попросту, вот эта шкура и явилась продуктом того совр. всечеловеческого «освобождения», освобождения от всего высокого, идеального, святого, которое себя, как довод, противопоставило государству, обществу. Чтоб освободить Свободу от такого ее употребления, в котором ее высоким именем морально легализуется и освящается всякое дух. убожество и хамство, обывательское шкурничество и скотский нигилизм, передовое человечество должно раскрыть и осуществить ее подлинное положительное содержание.

При такой расценке государства, принципиально не должно останавливаться ни перед какими размерами его: как бы ни было велико государство, оно не может быть чрезмерн., как не может быть чрезмерн. долг, подвиг. И действит., размер государства есть размер подвига народа перед Историей, стень значительности его истор. судьбы.

Скажут—дорого должно обходиться такое возвеличение государства, налоги, например... Но значительная часть населения только тем и может быть полезна, Целому, что платит налоги.—Так пусть же платит все, что может; без этого она бы их быть может попросту потребила, «живя в свое удовольствие». А ведь за счет такого рода благ обывательских масс, которые они быть может потребили бы, как свиньи, были воздвигнуты египетские пирамиды, создана великая Петровская Империя. Подвиг — суров, жертвенность — жестока. Но кто осудит за это их? Государство же алтарь всенародной жертвенности, организованно осуществляющийся всенародный долг. Историческое бытие народа это его вековое служение Истории и никакие усилия этого служения не могут быть чрезмерными. Размерами государства и измеряется то, на что народ способен в этом служении.

Т. о. грядущее новое государство, которое стало назревшей истор. необходимостью, явится алтарем, церковью служения Новому Богу Единства, и потому, как таковое, оно должно быть и будет признано будущим человечеством священным.

Государство есть форма исторической мобилизации. Мобилизация же по самой логике своей, должна быть всеобщей и не оставля-

ющей никаких неиспользованных возможностей. Потому каждый час народный должен быть на общественном учете, каждая единица его сил должна быть производительно употреблена. Ни одного праздного, ни одного не трудообязанного. Безработица — позорное клеймо на челе современной цивилизации; она — приговор несостоятельности системы. В будущей новой России должен быть осуществлен девиз: ни одного безработного! И если с одной стороны, такое новое Конструктивное Государство должно взять с каждого все, на что он способен, то с другой — оно должно в идеале дать ему все, на что он имеет гражданские и человеческие права. Положение: все за одного и один за всех — должно быть возведено в предельный принцип такого государства. Т. об., государство это как бы страховое общество, как бы грандиозная производительная артель, как бы предпринимательское объединение, великая семья, интегральный профессиональный союз, наконец, церковь служения Общему, Целому, или — все это вместе взятое. Оно — действительное осуществление «Общего Дела» (Федоров), организованная мощь возвышения и преобразования мира. В нем не должно быть нуждающихся и не должно быть праздных. В пределе все имеют все права и все несут все обязанности. Вот такое государство и явилось бы подлинной, истинной демократией; истинной, ибо демократия, как таковая, никогда и нигде еще не была осуществлена. Современная выродившаяся 3.-евр. демократия в материальном отношении есть плутократия, а в духовном — строй распушенности и произвола, морального и политического разврата. Здесь личность, с одной стороны, наделена призрачными правами, а с другой — недисциплинирована никаким нравственно-общ. обязанностями. Наше стремление к Неодемократии и есть стремление к подлинной, истинной демократии. Иными словами, это стремление к социальной (не социалистич.) демократии в противоположность современной буржуазной, в чем мы и усматриваем одно из основных определений неодемократии.

Последнее существенно было отметить, т. к. при всем вышеизложенном надо знать, что размер государства отнюдь не предопределяет форм его. Как свергнутое, так и расширенное государство может быть и демократическим, и монархическим и авторитарным, и правовым. Объем современного государства неизмеримо больше абсолютных государств, например, 18-го века: достаточно сравнить размеры их публичных хозяйств, что не мешает, однако, быть первому более свободным, чем второе. Лишь примитивно-обывательское сознание и полицейски извращенная мысль может с понятием государства связывать состояние закрепощенности. Или же это та «закрепощенность», в соответствии с которой нужно считать, что сельский паству свободнее Наполеона, паукас — свободнее человека высшей цивилизации. И когда эпохи и народы боятся такого «закрепощения», то это лишь признак их историч. демобилизованности и опустошен-

ности. В положительной оценке государства — критерий величия данного времени и народа, степень напряжения его воли к ист. деланию. И потому, можно сказать, что народ, у которого нет воли к государственности, есть исторически обреченный народ. Древняя Греция была многогосударственной, а не безгосударственной. Насколько же она была государств. свидетельствуется тем, что в управлении участвовал весь народ.

Все сказанное косвенным образом укрепляет нас в вере в великую судьбу русского народа и в правильности того значения в его возрождении, которое мы приписываем государству. Ибо русский народ по существу своему — народ государственный. Все, что он создал великого, он создал в государстве и через государство. Даже религию свою он принял от государства и через государство ею руководил. Не случайно большевизм, зачатый анархо-коммунист. идеологией, обернулся небывалым этагизмом. Именно в отсутствии пафоса государственности — был основной порок февр. революции. Лишь невежды, не знающие нашей истории могут говорить о негосударственности русского народа.

Создавший империю, превышающую размеры древнего Рима, объединивший и сплавивший свыше ста национальностей и языков — это ли безгосударственный народ!? Или убедительнее этих фактов елейная старо-славянофильская размазня о поповском анархизме русского народа, который действительно едва ли его не погубил, если бы не явился великий Петр — это величайшее явление нашего подлинно нац. духа.

В соответствии со всем сказанным, мы должны быть принципиальными и последовательными этагистами. Больше того, мы должны будем воспитывать и будить в нашем народе культ государственности. В этом запрос новой назревающей эпохи, в этом путь величия истор. судьбы, в этом ближайшая панацея спасения России. Не к «Новому Средневековью» мы должны звать, а к возрождению некоторых вечных начал Античности и в частности, Рима. Мы должны будем бороться за ту тенденцию в русской истории, которую наиболее ярко воплотил величайший из русских — Петр, силой этой тенденции сделавший Россию великой. Эту могучую волю русского народа к единству, к государственности, к служению Общему, Целому в уродливой патологической форме используют большевики. Но свержение последних не должно явиться победой противоположной анархически-нигилистической тенденции, представлявшейся у нас церковью, с которой потому и боролся Петр и некоторыми кругами нашей интеллигенции, ибо в победе этой тенденции — гибель России, — это свержение должно явиться возрождением государственности в новых соответствующих эпохе высших формах, заряженных **новой творческой организующей Идеей.**

Все вышеизложенное необходимо, наконец, обусловить следую-

щими двумя соображениями. Речь всюду идет, во первых, не о практике завтрашнего дня, а о пределе, нами утверждаемой в качестве должной, тенденции. Даваемая нами постановка проблемы не столько политическая, сколько идеологическая. Во вторых. — Мы наше возвеличение государства, как уже отмечено выше, обуславливаем его нарождающимися новыми формами. Таким образом (стилизуя конститутивные определения), можно наметить государство — **охранитель** — полицейское государство, государство — **регулятор** — совр. бурж.-демокр. государство и государство — **Демнург** — будущее новое Конструктивное Государство.

Основным изменением в соотношении признаков старого (охран. рег.) и нового (инициативного) государства можно наметить отмирание признака **властвования**, с его предпосылкой исчезновения социального неравенства и усиления признака строительства — с его предпосылкой мобилизации творческих усилий людей. Государство, т. о. — не отношение власти человека над человеком, а отношение власти человека над средой — природой и историей, государство, как **Техническое Государство**, как рычаг, как аппарат преобразования мира.

Бережной С.

Кто сменит большевиков?

(Материал получен из России; вопросы выдвинуты в дискуссионном порядке. — Редакция).

Кто сменит большевиков?. Этот вопрос за период истории нашей революции еще так не вставал, как он навис над страной теперь. Стоял же он всегда. Но раньше иначе было. До этого он был только абстрактным вопросом. Психологии и настроений низовых широких масс он не определял. Теперь же это конкретный политический вопрос.

Это новое настроение массам передалось сверху. Там же это главнейший вопрос — конечно, в неофициальной интимной мысли. Если массы интересуют сама смена власти, то верхи — беспартийные и партийные — раньше всего интересуются — какая это будет смена? Кто сменит? И тот факт, что над этим вопросом стали вдруг весьма и весьма многие и даже вслух, задумываться, есть симптом важного политического значения.

Когда строй должен уйти, то есть такая историческая минута, когда власть лежит, как брошенная вещь и ее никто не хочет поднимать. — В такую минуту, рождается новый строй. До этого нам, ко-